

Те владельцы других ресторанов, которые не верили в успех нового заведения хого, ждали месяц, но вместо закрытия оно становилось всё более популярным, что вызывало у них зависть.

Приближался Новый год, и Е Цзяньюй получил от императора большой красный конверт. Точнее, это был большой красный ящик.

Внутри ящика были сложены золотые слитки, тяжёлые и блестящие. Е Цзяньюй достал каждый слиток, протёр его и попытался отнести ящик в шкаф, где хранил свои сокровища. Однако, протаскив его несколько шагов, он понял, что не может сдвинуть его с места, и это его ещё больше обрадовало.

С улыбкой он попросил императора помочь ему поднять ящик:

— Ваше Величество, Вы слишком щедры. Вы дали мне столько денег, что я теперь точно буду с Вами заодно.

Е Цзяньюй, увидев взгляд императора, поспешно поправился:

— Ваш слуга всегда будет с Вами заодно.

Ли Цзиньчэн слегка стукнул его по голове:

— Сначала порадуйся, а после Нового года начнётся отбор наложниц, и тогда у тебя будут головные боли.

Е Цзяньюй: «!!!»

Е Цзяньюй был в панике. С одной наложницей он едва справлялся, а с целым гаремом он точно с ума сойдёт.

Он спросил императора:

— У Вас есть какой-то план?

Ли Цзиньчэн снова стукнул его по голове:

— У меня есть более важные дела, а дворцовые интриги — это твоя забота.

Е Цзяньюй почесал голову, вспоминая, как героини в сериалах справлялись с подобными ситуациями.

Кажется, нужно было заводить союзников, завоевывать благосклонность императора, а также помощь евнухов и придворных дам...

Он вспомнил, как Хуаньхуань свергла императрицу, и вдруг хлопнул себя по бедру:

— Императрица!

Ли Цзиньчэн, раздражённый его криком, спросил:

— Что ты кричишь?

— Раньше я всегда думал, как героини сериалов справляются с дворцовыми интригами, но они не были императрицами. — Е Цзяньюй похлопал себя по груди. — Я — императрица, и мне

нужно учиться у других императриц, как вести интриги.

— И как же императрицы ведут интриги? — спросил Ли Цзиньчэн, терпеливо ожидая ответа.

— Они используют других, чтобы те дрались между собой, делали грязную работу и были плохими, а сами остаются в тени, притворяясь хорошими. — объяснил Е Цзяньюй.

— Манипулировать людьми? Это сложно. Если ты действительно сможешь это сделать, я буду впечатлён. — Ли Цзиньчэн смотрел на Е Цзяньюя. Сначала он считал его глупым, но чем больше времени они проводили вместе, тем сложнее ему было понять его.

Он спросил Е Цзяньюя:

— Когда ты сказал, что хочешь, чтобы все могли есть соль и могли себе её позволить, я подумал, что ты добрый человек. Но когда Фэн Чуаньцин рассказал, что его заставили войти в дворец, и если он не выполнит задание, его мать убьёт Принц-регент, почему ты не проявил сострадания?

— Я сочувствовал ему, он был жалок. Но он был на стороне, противостоящей Вам. Если бы я, из сострадания, навредил Вашим интересам, разве это было бы добротой? — Е Цзяньюй вспомнил, как провалил задание с Фэн Чуаньцином, позволив ему украсть карту сокровищ, и ему было стыдно говорить об этом.

Он почесал голову и смущённо сказал:

— Хотя я и провалился, мои намерения были хорошими. Я не мог из-за жалости к нему поступиться своими интересами или навредить Вашим. Я не должен ради неважных людей жертвовать важными. Я не святой.

Ли Цзиньчэн, услышав это, понял одну вещь: Е Цзяньюй считал императора самым важным человеком. Даже если другие вызывали сострадание, они не могли сравниться с ним. Такой Е Цзяньюй был достойной императрицей.

Ли Цзиньчэн собирался похвалить его, но вдруг Е Цзяньюй резко встал.

— Что опять? — спросил император.

— Я готовлюсь к дворцовым интригам следующего года, мне нужно заранее подготовить Миньюэ и Цайся. — Е Цзяньюй, который раньше был мастером прокрастинации, теперь понимал, что в дворцовых интригах промедление может стоить жизни.

— Как ты собираешься их готовить? — Ли Цзиньчэн был заинтересован.

Е Цзяньюй, нахмурившись, подумал о том, как в сериалах императрицы были мастерами избавления от детей, и шутя сказал:

— Пусть учатся избавляться от детей. Если кто-то забеременеет от Вас, они сразу решат эту проблему.

Ли Цзиньчэн указал на себя:

— Я тут рядом, и ты говоришь при мне об убийстве моих детей, это уместно?

— Я пошутил. — Е Цзяньюй нервно схватил руку императора. — Я просто болтал. Даже если

кто-то забеременеет, я не позволю Миньюэ сделать что-то подобное. Но тогда я больше не буду с Вами разговаривать.

Е Цзяньюй привык приспосабливаться и уступать. Он знал, что его угрозы ничего не значат. Если император действительно обратит внимание на кого-то другого, он ничего не сможет сделать, кроме как простить. Разве он сможет сбежать из дворца?

Е Цзяньюй, видя, что император молчит, смущённо почесал голову:

— Пусть лучше они учатся боевым искусствам. Тогда, если кто-то попытается меня обидеть, они смогут дать отпор.

— Это более практично. Пусть учатся боевым искусствам, остальное им вряд ли пригодится. — сказал Ли Цзиньчэн.

— Ваше Величество, Вы имеете в виду, что у Вас не будет детей от других, поэтому им это и не нужно? — Е Цзяньюй был даже рад. Он не хотел делить императора с кем-то ещё и не желал, чтобы в гареме было много людей. Он считал, что все, кто войдёт в гарем, несчастны, и когда император получит власть, он обязательно освободит их, чтобы они не тратили свою молодость в дворце.

...

Тем временем другая попаданка, Юань Сяоци, также оказалась в этом мире, став дочерью богатого торговца. В первый день её пребывания ей сообщили, что после Нового года она должна будет участвовать в отборе наложниц.

До попадания в этот мир Юань Сяоци скачала приложение для чтения пиратских книг, но это нелегальное приложение взломало её галерею и украло фотографию её паспорта, чтобы взять кредит на её имя.

Она ничего не знала об этом, пока коллекторы не начали терроризировать её на работе и в компании её родителей. Компания, чтобы избежать проблем, уволила её и её родителей. После того как она обратилась в полицию, коллекторы временно отступили, но работу она не нашла. Ей было за тридцать, и найти работу было сложно. Родители были ещё далеки от пенсии, а в семье не было привычки копить, и они были по уши в долгах.

И так уже было плохо, но затем появились ещё несколько коллекторов. Оказалось, что приложение взяло кредиты в нескольких местах. После того как она разобралась с одними, появились другие, ещё более агрессивные. Она пыталась объяснить, но её не слушали, а когда она хотела вызвать полицию, ей разбили телефон. В попытке убежать её сбила машина, и она погибла.

После смерти она очнулась в теле дочери богатого торговца и узнала, что должна стать наложницей. Она считала, что её удача сейчас — это компенсация за все её страдания.

Она читала эту книгу и знала, что император в ней был невероятно красив и обожал свою жену. Получив его любовь, она станет самой могущественной женщиной в мире. От этих мыслей она не могла сдержать смех, и её служанки думали, что она сошла с ума.

...

В канун Нового года во дворце устроили банкет, пригласив знатных особ. В прошлые годы

император тоже появлялся, но в этом году Вдовствующая императрица сказала, что он болен, и не позволила ему прийти.

Е Цзяньюй был рад, что не нужно идти на банкет. Он и император уютно устроились в тёплых покоях, ели хого и играли в шахматы.

Эти шахматы были сделаны по заказу Е Цзяньюя, и они были улучшенной версией.

[Хого — китайский вариант самовара или горячего горшка, блюдо, при котором ингредиенты готовятся в бульоне за столом.]

[«Летающие шахматы» — настольная игра, аналог нардов или «гусёк».]

<http://bllate.org/book/16199/1453653>